

Образовательные результаты и результаты развития

Введение

Результативные характеристики шага развития человека могут определяться из разных позиций. Возможна внешняя позиция (например, управления образованием) для которой необходимы большие массивы данных, точные измерители и, главное, предметы измерения и фиксации, которые можно было бы различить и осмыслить в контексте образовательной политики больших властно-управленческих корпораций. Возможна и иная позиция, при которой заинтересованный наблюдатель находится с образуемым лицом в одном поле или на границах этого поля. Таковы родители, педагоги, психотерапевты и др., т.е. все те, кто общими усилиями в отношении образуемого лица строит Антропотехническое действие¹. Из этой позиции крайне важно определить степень его эффективности и, следовательно, найти те критерии, по которым можно судить о развитии образуемого лица (если подобная цель поставлена). Соучастники Антропотехнического действия нуждаются в особых средствах (схемах, картах, картинах), с помощью которых развитие их подопечных явственно представимо. Соотносительно с этой, второй позицией построена данная работа.

Необходимо отметить и добавить, что есть еще и третья позиция – позиция самого образуемого лица. Очень важно, чтобы образуемый мог рефлексивно отнестись к эффектам своего образовательного движения и мог прочувствовать их. Такие оценка и чувство часто определяют эффективность действия антропотехников. Однако, в данной работе эта третья позиция не рассматривается, во всяком случае прямо. Здесь ограничения ее содержания.

Связность всех трех позиций составляет поле образовательного действия.

Требования к представлению результатов образования в аспекте развития

Самым общим требованием к результату образования является приращение самостоятельности и инициативности образующегося. Самостоятельность и инициативность ученика указывает на меру его образовательной субъектности – меру соучастия в образовательном процессе. Соучастие выражается в выражении учеником собственных намерений – вызове ситуаций действия и в построении способов действия в этих ситуациях. Отмечу, что слово «собственное» в данном контексте не означает полностью индивидуализированное. Абсолютно индивидуальное действие является ложным абстрактом. Ложным поскольку обратной стороной полной индивидуализированности является полная замкнутость, закрытость

содержания индивидуальной жизни. Это слово, во-первых, указывает на субъективированность, телесно-чувственное проигрывание способа действия. Во-вторых, оно указывает на произвольность действования, в отличие от стихийной вовлеченности в него. Однако, как уже было сказано приращение самостоятельности и инициативности – это самые общие характеристики развития в образовании. Необходимо задать требования к их качеству. Не всякая бросающаяся в глаза «собственная» активность может быть отнесена к результатам развития.

Искомые результаты надо «ловить» на границе, завершении шага развития. Здесь уместно снова подчеркнуть, что самостоятельность и инициатива – это характеристики именно действия, а не поведения «вообще». И, следовательно, необходимо представить те требования к завершению действия, которые свидетельствуют о развитии.

1. В самых лучших образцах формирования и опосредствования была принята следующая процедура: претест – формирование – посттест. Соотнесение характеристик выполнения претеста и посттеста служило свидетельством развития. Эта процедура несомненно валидна, но недостаточна. В ее пределах развитие видится как изменение «внутри индивида», но не как преобразование и превращение его действия в ходе самого формирования и опосредствования. Речь идет не о превращении действия из «материального» в «умственное» в пределах решения той же задачи (например, счета), а как раз о появлении новых задач и новых функций в действии.

Есть факты изменения формы и функции действия в процессе самого опосредствования (Б.Эльконин, 2008). Это факты превращения действия из исполнительного в пробно-поисковое и пробно-преобразующее. При этом действие обращается на свою собственную схему, ориентировочную основу и начинает выполняться одновременно в двух планах. Первый план – достижение требуемого результата, а второй – опробование и изменение схемы и пространства возможностей действия.

2. В 1961 году Д.Б.Эльконин сделал следующую дневниковую запись: «До сих пор» «упражнение» и «тренировка» рассматривались односторонне – только как укрепление-фиксация определенной системы связей. ...Однако существует и другой, во всяком случае, не менее важный тип упражнений – это упражнения, *расшатывающие* сложившиеся функциональные системы. Такое расшатывание, создание возможно больших степеней свободы, до закрепления имеет большое прогенетическое значение. Так создается *сензитивность*... Такое новое представление о функции упражнения вносит новое понимание хода развития. Возникновение новообразований есть одновременно разрушение, оно должно быть построено как *расшатывание*.» (курсив Д.Б.Эльконина).

Обобщая мысль Д.Б.Эльконина, можно утверждать, что завершение правильного формирования есть одновременно и разоформление, разупорядочивание сложившихся схематизмов действия.

3. Привычка говорить о результате лишь как о завершении выводит результативность из горизонта развития. В горизонте развития имеет смысл говорить о результате в его отношении к будущему, говорить о том, что *открывается*, когда нечто иное завершается. Самостоятельность и инициативность должны быть «помещены» на границу завершения-открытия и поняты как энергии проявления нового пространства возможностей.

Результат развития

Существуют два допущения, крайне затрудняющие мышление о развитии и его практику. Первое – допущение изолированного действия. Видимо, такое допущение – результат формального и абстрактного соотнесения действия и деятельности, при котором и то и другое мыслится как бы уже готовым и наличным. В этом и в похожих случаях уместен вопрос о том, где находится и откуда из какой реальности экстрагирован и абстрагирован интересующий объект – в данном случае, действие. И далее начать понимать каким образом искомый объект может быть «вложен» в эту свою исходную большую его реальность.

Здесь становится понятно, что включение, т.е. построение действия далеко не естественный, сам собой разумеющийся процесс. Деятельность в истоке своего понятия мыслилась не как ставшая и наличная, а как всегда лишь *воссоздаваемая* и *порождаемая* реальность. Следовательно, построение действия есть его включение в стихию становления и порождения, а не в некую заданную структуру с приготовленным и очерченным для данного действия «пустым» местом. Последнее – есть характеристика отчужденных действия и деятельности, т.е. действия и деятельности, утративших созидательную энергию. С таким представлением нельзя входить в рассмотрение развития и его результатов.

Итак, построение действия есть *обретение места* в становлении (порождении, воссоздании) деятельности. В пределе – обретение места в стихии становления, причем такое обретение, благодаря которому сама стихия обретает форму деятельности. При таком понимании действие по своей сущности мыслится как сопричастное становление большего (например и в частности, как совокупное, общее, общественное и т.п.) и тогда именно порядок и форма становления большего являются его эффектом (П.Г.Нежнов, Б.Д.Эльконин, 2006).

Второе допущение, которое вполне соответствует первому – допущение изолированного индивида. Это *его* способности являются результатом *его*

развития. По аналогии с первым, уже разобранным случаем надо спросить себя о том, где находится, имеет *место* индивид и как устроено это место.

Наряду с субъективистско-изоляционистской традицией понимания психики и сознания в психологии существует и иная. К.Левин говорил о психологическом *поле* индивида, имея в виду соотнесенность его намерений. Л.С.Выготский говорил о смысловом и актуальном будущем поле индивида, имея в виду означивание пространства поведения. В последнее время П.Г.Нежнов, говоря об итогах цикла развития, вводит понятие «функционально-смыслового поля», которое понимает как «... функциональный орган, задающий «из индивида» действительный горизонт его инициативного действия» (П.Г.Нежнов, 2007). Существенно, что согласно П.Г.Нежнову, функционально-смысловое поле – это способ существования индивидуальной компетентности. Компетентность существует именно как поле, пространство возможностей, а не исходящий из индивида вектор.

Б.А.Архипов, выдающийся диагност, коррекционист и клиницист, в итоге работы с ребенком рисует картину его «тонико-сенсо-моторного» поля.

Приведенные воззрения исходят из того, что индивидуальность и ее фактическая телесность является простертой за пределы тела реальностью. Взятая в развитии, она есть построение «поля себя» - субъективного пространства. Субъективное пространство и является определением места, занимаемого индивидом. Он строит его и борется за него в стихии становления. В этой стихии субъективное пространство становится субъектным.

Построение субъектно-субъективного пространства – результат развития.

Отрицательным подтверждением сказанного является властно-репрессивная дисциплинарная практика. Эта практика предельно телесна и ее первой задачей является как бы (а иногда и безусловно) оголение индивида – лишение его субъективного пространства. Такова, например, регуляция позы (сидеть или стоять прямо и неподвижно, держа руки определенным образом). Индивид, лишенный субъективного пространства, немощен и послушен.

Строение субъектно-субъективного пространства

Из всех частичных описаний субъектно-субъективного пространства или, по П.Г.Нежнову, функционального поля можно выделить три конституирующих его центра или «узла». Первый центр можно назвать *энергетическим*. Его определяет функциональная система, отвечающая за выработку энергии движения и поведения. Энергичность, активированность индивида сопричастна разным большим него становлениям и, в первую очередь, биологическому становлению живых тел. Каждый индивид рождается, будучи в той или иной степени активированным.

Второй центр задан функциональной системой, отвечающей за остов, *опоры* движения и поведения. Имеются в виду и внутренние (позвоночник), и внешние опоры. Опорой в пространстве индивидуального действия может быть и часто является другой человек.

Третий центр – это функциональная система, отвечающая за дистантные характеристики движения и поведения, т.е. за его *перспективу*.

В самостоятельном и инициативном действии все три центра соотнесены. Можно сказать, что их соотнесенность – это внутренняя форма практического самоопределения индивида. Самоопределения в противовес неопределенности и частичной определенности фрагментами поля, которые являются следствием разобщенности энергии, опор и перспективы.

Необходимо заметить, что сами по себе, в своем естестве, опоры, энергия и перспектива имеют разные источники и в большей степени сопротивляются соотнесению и взаимообращению, чем требуют его. Их соотнесение не является естественно-законосообразным процессом. Скорее оно является задачей «культурного развития» (Л.С.Выготский).

Соотнесенность центров ССП никак нельзя представлять как их фиксированную связь. В этом случае функциональная система окажется рефлексом и стереотипом. Отношения энергии, опор и перспективы должны быть осмыслены как форма, которая не может наличествовать, а может лишь породиться и воссоздаваться.

Каково же содержание и название тех отношений, которые образуют центры ССП?

Ответ на этот вопрос надо опосредствовать схемой, в которой центры предстают как вершины треугольника, стороны которого будут символизировать отношения между ними (рис.1). Треугольник отношений – древний и очень сложный (при кажущейся простоте) символ и схема. И как в случае любой схемы ее собственная логика должна вести рассуждение.

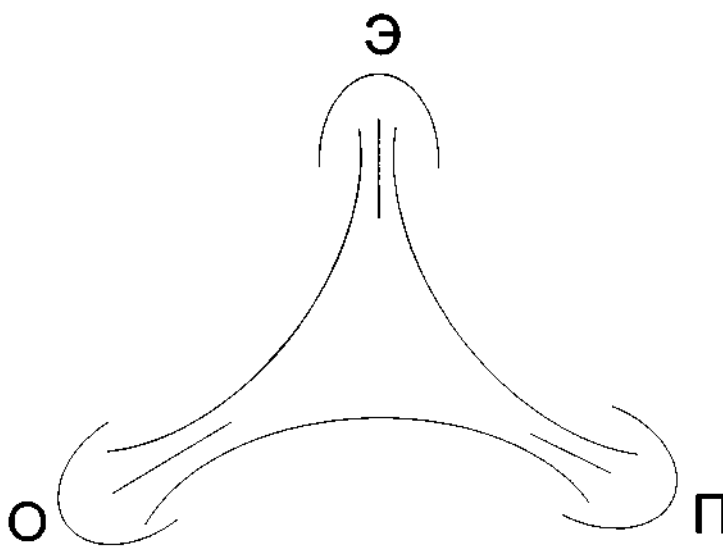

Рис. 1

- Содержание, положенное как вершина опосредствует и обуславливает содержание, представленное противоположной стороной. Так, в нашем случае (рис.1), *перспектива* обуславливает, опосредствует и удерживает отношения энергетики и опорности. А если не обуславливает и не удерживает, то энергия действия оказывается замкнутой на его вехи. Возникает нечто вроде повторения и закрепления, которые замкнуты на себя и имеют смысл в себе самих. Подобное персеверации можно наблюдать лишь в патологических случаях. Точно также и *опорность* удерживает соотнесенность энергии и перспективы. В противном случае строится некое подобие стремительного прямого движения к желанному, не обусловленное рельефом ситуации. Также и *энергетика* обуславливает отношения опор и перспективы и только в этом случае возможно начало движения и действия. А если не обуславливает, то соотношение опоры и перспективы оказываются лишь представлением, а не образом именно действия. И более того: сухим, энергетически незаряженным представлением. Понятно, что при этом и энергетика живет «своей собственной жизнью». Вполне узнаваемая патология.
- Вершины треугольника не одинарны, а двойственны, поскольку являются пересечением двух отношений. Так, в известной триаде «воля – разум – чувство» воля, взятая в отношении чувства, имеет иное содержание, чем она же в отношении разума. Более того, оба эти содержания воли составляют ее собственное внутреннее противоречие. В нашем случае – полная аналогия. *Энергия* в своем отношении к опорам (энергия обуздания и концентрации) – это иное, чем энергия в ее отношении к перспективе (порыв и стремление). В этой двойственности внутреннее напряжение, а может быть и суть энергетики человека. Аналогично можно понимать и символику двух других вершин. Так, *опора* в ее отношении к энергии выступит как усилие остановки, упора, а в отношении к перспективе как усилие «отталкивания от...». *Перспектива* в ее отношении к энергии выступит как беспредельность силы стремления, а в отношении к опорам – как видимая или воображаемая граница сложного ландшафта (в первом случае – поле для ветра, а во втором – опушка леса)².
- Сами отношения энергии, опор и перспективы, схематизированные как стороны треугольника также двойственны (рис 2). Энергия для опоры и «из опорности» - иное, чем опоры для и «из» энергичности. В первом случае выступает скорее образ сдерживания, а во втором – перехода-преодоления. Аналогично можно разобрать и два других отношения (О – П и Э - П). Сторону треугольника уместнее было бы изображать в виде двух противоположно направленных стрелок (рис 2).

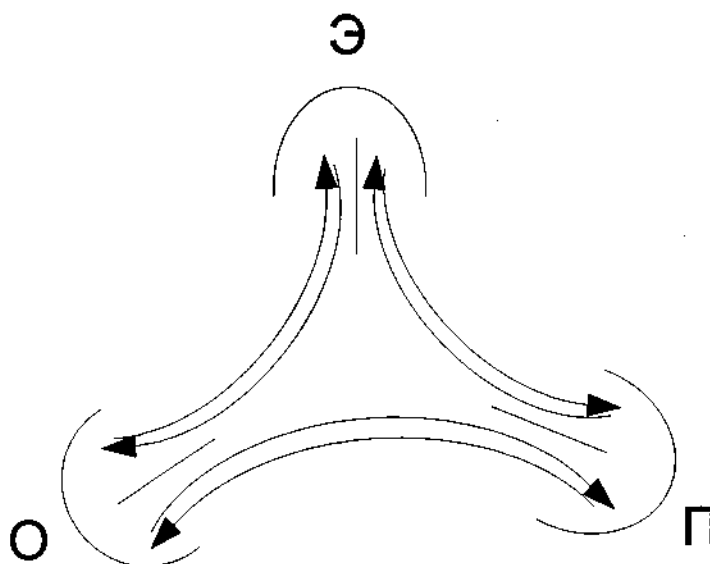

Рис. 2

Приведенного разбора логики треугольника отношений применительно к нашему случаю достаточно для понимания его схематической мощности, с одной стороны, и сложности - с другой. Сложность имеет положительный смысл, препятствуя смыканию центров и замыканию отношений и оставляя их "неслиянно - нераздельными".

Предстоит определить содержание всех отношений и назвать их, учитывая двойственность "вершины" и "стороны" треугольника.

Взаимное согласование энергии действия и перспективы, когда перспектива "зовет", а энергия стремится, осуществляется в необходимом состоянии действования, которое можно назвать *Порывом* - "вхождением" в Событие движения (рис 3). Порыв, удерживаемый ощущением вязкости опоры и преодолевающий его, осмысливается и осуществляется в особом Образе стремления, например, в образе Героя, совершающего то, что совершить невозможно. Я полагаю, что именно состояние и образ Порыва, а не только лишь образ предмета потребности, в котором уже снято стремление, может являться побуждающей и движущей действие силой, т.е. *мотивом*. В мотиве - стремлении намерение, усилие и действие неразличимы. Мотивообразование – это способ овладения динамическими состояниями поля становления.

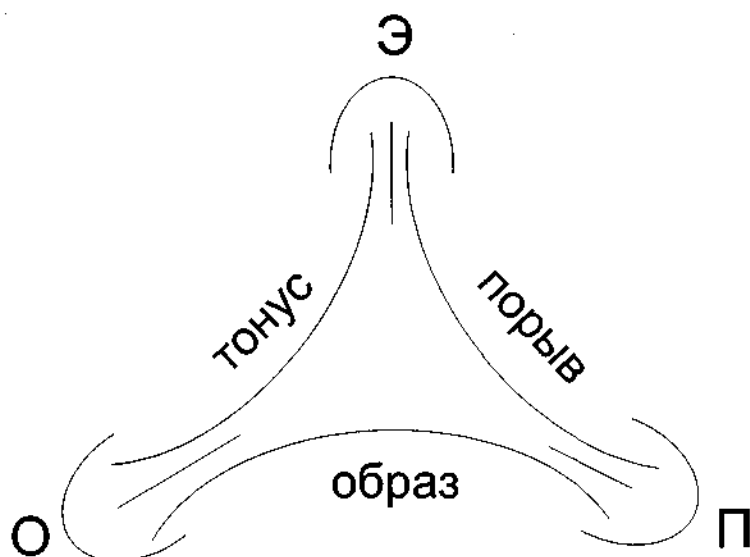

Рис. 3

Взаимное согласование энергии и опор действующего (стремительного перехода и сдержанного обустройства продвижения) осуществляется как ритм концентрации усилий на переломах линии и рельефа действующего, т.е. как чувствуемый, *динамический тонус* и *установка* действия (рис.3). Культурной формой ритма являются все ритмически-мерные формы, подчеркивающие шаг действующего: песня ("Эх ухнем, еще разик, еще разок!"), счет и др. Во внутренней речи мы часто подчеркиваем и усиливаем ритмическую (установочно-тоническую) картину действующего ("рраз!", "оп-па!", "та-ак!"). В согласованности энергии и опор создается субъективное чувство собственного действующего и экспрессивно-интонационная картина действия и поля действия. Поле действия становится "окрашенным" в "цвета" чувств усилий. Во взаимном согласовании энергии и опор строится овладение *временем* действующего. Их согласованность приводит к появлению ритма пространства, а также динамической установки, тонуса и субъективного чувства усилия действующего. Культурными формами согласования энергии и опор являются музыкальные и математические формы.

Взаимное согласование опор и перспективы строится как *образ* ландшафта действия и осуществляется в *способе* действия. Субъективной составляющей построения способа действия, является чувство самоизменения, о котором писал Д.Б.Эльконин в работах об учебной деятельности и учебной задаче (Д.Б.Эльконин, 1989). Культурными формами построения образа и способа действия являются разные формы картирования поля действия и схематизации его объекта. В образе и способе действия действующий овладевает объективными характеристиками поля действия, в которых поле становления как бы останавливается и представляется. Эти представления могут иметь форму значений-знаний - схем (моделей) устройства объекта, а также форму ориентировочных оперативных схем действия, выполненных как бы с «птичьего полета»

Поле, образованное соотношениями трех сложных функций - Порыва, Образа и Установки - еще одно определение результата развития.

Анализ схемы ССП требует двух примечаний. Первое - о культурной форме существования ССП, а второе - о месте ССП в ритмике детского развития.

Выше уже упоминалась работа Л.С.Выготского "Психология искусства". Похоже, что произведение искусства и является той культурной формой, в которой моделируется и объективируется субъективное пространство (Д.Б.Эльконин, 1989). Произведение искусства можно считать Экраном - формой усиления отображения и возвращения читателю и автору его субъективности, а, следовательно, и способом культурного опосредствования ее становления. С одной лишь оговоркой: таковым произведение становится лишь в актах его порождения или воссоздания (умного чтения, слушания, видения). В разных типах и видах произведений доминируют разные стороны ССП.

На разных стадиях развития ребенка также акцентируются разные аспекты ССП (центр треугольника как бы смещается и он "искривляется"). Здесь уместно вспомнить о противоречии "смыслового" и "операционно-технического" аспекта действия, которое, согласно Д.Б.Эльконину (1989) является движущей силой развития психики ребенка и задает содержание и ритм его стадий.

В нашей схеме отношение смыслового и операционно-технического выступит как отношение Событийно-динамического (Э-П) и Образно-ландшафтного (О-П) начал в определении и создании перспективы действия (рис. 3) - отношение порыва, усиливаемого своим образом-символом и способа, представленного и картой действователя. По схеме-символу ССП, видно, что отношение смыслового и операционно-технического "держится" и воссоздается посредством тонически-ритмических начал действия - посредством выстраивания ритма усилий и чувства собственного действия, т.е. чувства себя в его динамике.

Известно, что именно в периоды "освоения смыслов и задач" осваивается и пробуется выразительная поза³ (стремления, отвержения и т.д.). Но дело не только и даже не столько в этом, а еще и в том, что именно в эти периоды наряду с освоением событийных характеристик действия как подвига, осваивается и *установочно-результативное* действие (прыгнуть, пробежать от и до, на время и т.п.), как бы испытывается и отображается "собранность для..". Установка, тонус и ритм - необходимые моменты именно "операционно-технической" стороны действия и поэтому они суть то, *на чем и как* мотив соотносится со способом. Тонус и установка - функциональные системы, задающие интонационно-ритмическую сторону действия, его "внутреннюю речь" или, словами А.В.Запорожца, - внутреннюю картину (1945). Т.о. эволюция телесно-ритмической формы действия как бы завершает (совершает) и реализует соотношение мотивационно-смысловых и

операционно-технических аспектов его развертывания. Думаю, что лишь в этом случае можно говорить и о развертывании действия и о развитии ребенка

Субъектно-субъективное пространство в совокупном действии

В предыдущих разделах были высказаны суждения, во-первых, о том, что самостоятельность и инициатива, т.е. субъектность образуемого лица предполагает занятие им места в становлении большей системы (биологической, социальной, культурной). Во-вторых, о том, что место, занимаемое субъектом – это его функциональное поле или субъектно-субъективное пространство. В-третьих, была высказана гипотеза о строении этого пространства. Наконец, в-четвертых, построение ССП было представлено как результат развития. Действуя в принятой логике, необходимо сказать и о том, что является эффектом субъектности, что «делает» субъектность, т.е. ССП, в большем него мире. Иначе говоря, предстоит определить, где имеет место само ССП.

В контексте культурно-исторической концепции понятно, что конституция ССП (соотношение энергии, опор и перспективы) возникает в коллективной форме действия. Однако, теперь понятно также и то, что этой констатацией не должен заканчиваться разговор о построении действия (П.Г.Нежнов, Б.Д.Эльконин 2006). По мысли Д.Б.Эльконина, развитие ребенка включает в себя две тенденции, из которых одна – стремление к самостоятельности, а вторая – стремление к соучастию во взрослой жизни. «Всякая новая ступень в развитии самостоятельности, в эмансипации от взрослых – писал Д.Б.Эльконин - есть одновременно возникновение новой формы связи ребенка со взрослыми, с обществом» (Д.Б.Эльконин 2004, с.19). Об этих «новых формах связи» и предстоит сказать, т.е. сказать о том, во что претворяется ССП в совокупном действии.

В последние 15 лет получены данные, позволяющие гипотетически ответить на этот вопрос.

Данные, полученные Л.И.Элькониновой в исследованиях сюжетно-ролевой и режиссерской игры, позволяют заключить, что мотив (понятый как образ состояния порыва) опробуется и осуществляется как *вызов* и ответ на собственный вызов (Л.И.Эльконинова 2004).

Результаты исследований Е.А.Бугрименко свидетельствуют о том, что образ поля и способ действия обобщаются и означиваются в *позиции* действующего (Е.А.Бугрименко 2004).

Результаты моих собственных исследований позволяют утверждать, что ритмико-тонические характеристики действия и вплетенное в них чувство собственного усилия становятся органом *внутреннего уподобления* «изгибам» траектории действия и способом их внутреннего проигрывания (Б.Эльконин 2005).

Соотнесение вызова, позиции и внутреннего уподобления характеризует опробование и построение места ССП в совокупном действии (рис.4).

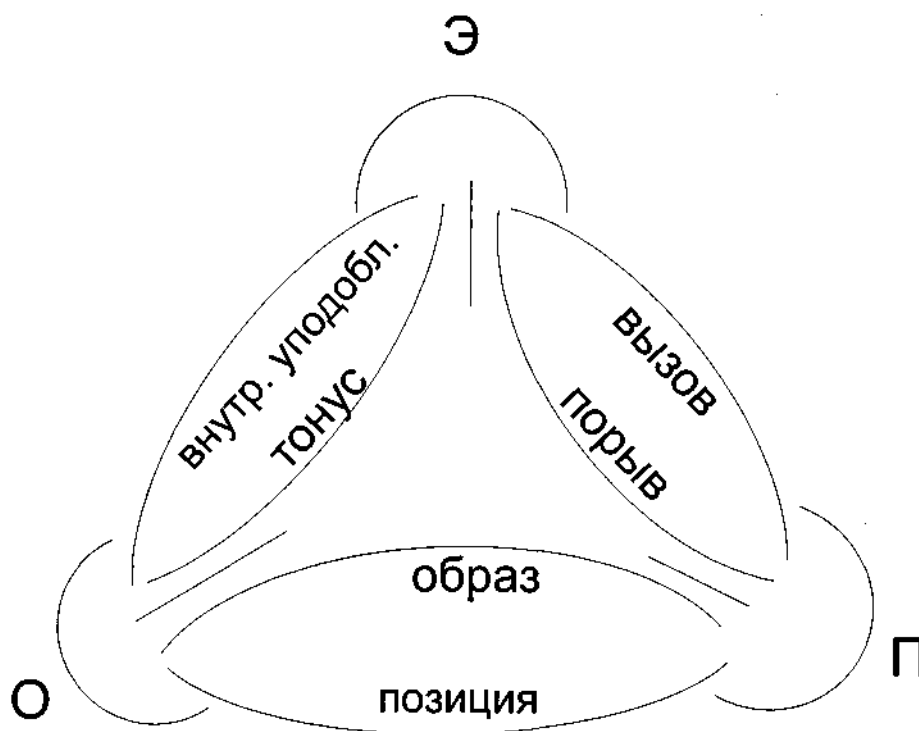

Рис. 4

В этой новой соотнесенности энергия, опоры и перспектива осуществляются в построении общности или, словами В.И.Слободчикова, осуществляются в Со-Бытии. Такова органика поля Со-Бытия.

Существенно, что именно в построении поля совокупного действия и мотив, и образ, и установка становятся *произвольными*. Говоря словами Л.С.Выготского, - становятся «высшей психической функцией».

Построение пространства совокупного действия является **эффектом** обретения самостоятельности и инициативности действующим индивидом.

Продуктом или предметной формой пространства совокупного становятся разные виды сообществ и соответствующие формы опосредствования их жизни: книги, клубы, жилища, площади, детские площадки и многое другое. Они превращаются из элементов «среды» в субъективные пространства действия.

Наконец, последнее. Следуя логике схемы, остается вопрос о том, что же символизирует центр треугольника? В чем, какой точке пересекаются энергия, перспектива, опоры и сходятся все образованные ими отношения? Думаю, что они сходятся в образно-чувственной форме **Идеи** действия. В так понятой идее действие сопричастно бытию.

Литература

1. Бугрименко Е.А. Знак и позиция в экспериментально-генетическом методе. Вопросы психологии, 2004, №1.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1986.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968.

4. Выготский Л.С. Собр. Соч., т.1. М.,1982.
5. Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. М., 1983.
6. Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М., 1959.
7. Левин К. Динамическая психология. М., 2001.
8. Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения. М.,1945.
9. Нежнов П.Г. Опосредствование и спонтанность в модели «культурного развития». Вестник Московского университета, серия 14 Психология, 2007, №1
10. Нежнов П.Г., Эльконин Б.Д. Ритм развития в периодизации Д.Б. Эльконина. В кн.: «Педагогика развития: социальная ситуация развития и образовательные среды». Красноярск, 2006.
11. Эльконин Б.Д. Действие как единица развития. Вопросы психологии, 2004, №1.
12. Эльконин Б.Д. Психология развития. 4-е изд-е, М., 2008.
13. Эльконин Б.Д. Самоощущение. Опосредствование. Становление действия. В кн.: «Психология телесности». М., 2005.
14. Эльконинова Л.И. О единице сюжетно-ролевой игры. Вопросы психологии, 2004, №1.